

Знаешь ли ты, как делают деревянные ложки? Вот как. Сначала осину или берёзу распилят на коротенькие полешки, потом полешки колют на баклуши, а потом теслом теслят — долбят ямку в ложке. А потом уж острым ножом состругивают лишнее и ровняют. Кору и стружки от этой работы получают прямо горы. У меня есть знакомый ложечник Егорыч. Егорыч — бобыль. У него никого нет на свете. Живёт он один и каждую весну уходит глубоко в лес. Живёт там в шалаше у озера и стругает свои ложки. Съестное Егорыч в свой шалаш завезёт ещё по снегу зимой, потому что летом по болотам трудно добраться. Весной в лесу есть и своя еда — лесная. Весной ёлка цветёт. На еловых лапах растут красные столбики. Их можно есть. Бывает сосновый и еловый огурец. Между старой, твёрдой корой и древесиной — слой молодого дерева. Этот слой отдирается пластинами. Прозрачный и, верно, хрустит на зубах, как огурчик. А у болот растут хвощи. Это такая трава, похожая на ёлочки. В наших краях хвощи зовутся пестами. Потому что хвощ похож на пестик. Он ещё не распустился в ёлочку и торчит из земли столбиком. Эти песты надо собрать, посолить и зажарить в масле на сковороде. Получается очень вкусно. Похоже на печёнку. Я охотился в этих лесах и завернул к Егорычу переночевать. Он мне обрадовался, подарил красивую ложку, у которой на черенке была вырезана рыба щука, а сама ложка расписана цветами. Угостил меня чайком да жареными пестами и рассказал мне интересную историю.

— Вот слушай, — сказал мне Егорыч, когда мы закурили после чаю махорку и разлеглись в шалаше на сенниках. — Нынче весной пришлось мне много сделать ложек. Щепок да стружек осиновых, наверно, воза два я свалил у озера. Я это к тому говорю, что не будь этой стружки, ничего бы не случилось. Сажу я как-то вечером в шалаше и стругаю ложки. Хотел закурить, чиркнул спичкой... Вдруг как затрещат сучья в лесу. Видно, какой-то зверь убежал. А ночью на рассвете слышу: кто-то ходит. Осторожно ходит у шалаша. То веточка хрустнет, то камушек покатится. Ну, думаю, не злой ли человек пришёл, бродяга, а может — медведь? Взял я топор в руки и вышел. Никого нет. Вторую ночь опять кто-то ходит. Чурбашки мокли в корыте. Чурбашки, слышу, застучали и вода заплескалась, а потом на берегу озера зачавкали ноги по сырой земле. И всю ночь там кто-то ходил. Вот я утром встал раненько и смотрю: на берегу озера следы, ну совсем такие, будто свинья ходила. Я хоть и не охотник, но вижу: два копытца есть на каждой ноге. Ну, раз свинья, так свинья, пускай ходит. Только удивительно, думаю, как это свинья зашла так далеко в лес. Ведь от деревни до меня двенадцать километров. Наверно, голодная эта свинья. Надо, думаю, её в сарай на ночь запирать. Волков, правда, у нас нет, но медведь бродит. Выстроил загородку и приделал западню: как свинья войдёт в хлев, ступит ногой на доску, тут сзади неё двери и закроются. Я положил в этот сарай два ломтя хлеба и поставил корыто с пойлом. Ну, думаю, моя сейчас свинья! Этой ночью опять свинья бродила вокруг шалаша, опять зачем-то пила горькую воду из корыта, где мокли осиновые чурбашки. Ходила свинья вокруг да около, а в сарай и не заглянула. Тогда я днём набросал хлеба у сарая, кусочек к кусочку. Сделал хлебную дорожку от корыта до сарая. Сосчитал, так вышло тридцать четыре хлебных кусочка. Ну, думаю, уж сейчас-то непременно зайдет свинья в сарай. Будет кусочек за кусочком подбирать и попадётся. Наутро смотрю: в сарае никого нет, а кусочков стало меньше — двадцать девять штук. Вот ночью слышу: хрустит свинья как раз у окошечка, что-то жуёт. Я потихоньку выглянул и вижу: да ведь это не свинья! Это кто-то

большеголовый, на длинных ногах, ростом с жеребёнка. Пригляделся и узнал: это лосёнок. А лосёнок наклонился над колодой с горькой водой и пьёт, причмокивает, потом взял в губы кусок горькой осинового коры и стал жевать. Эх, вот бы мне его поймать! Я немного выглянул и стал причмокивать губами, звать его. Потихоньку-потихоньку, чтоб не пугать. Насторожил тут уши лосёнок. Посмотрел ко мне в окно да как прыснет в туман. Грязь прямо мне в лицо шлёпнулась, затрещали сучья — и нет никого. Только дыра в тумане осталась, заплывает. Но я всё-таки этого лосёнка поймал — не на хлеб, а на осиную кору, на корыто с осиновым настоем. Очень славный был этот лосёнок. Горбоносый, длинноногий, мягкий. Наверно, сиротка. Не иначе — медведь съел его мать или какой-нибудь вредный охотник застрелил матку на мясо. Лосёнок научился есть хлеб, и кашу ел, и картошку. А посолишь посолонее — и ест лосёнок пожаднее. Видно, соль ему очень нравилась. Вот так мы и жили. Я ложки стругаю, лосёнок кашу ест с солью да горькие стружки сосёт. Однажды заглянул я как-то в ларёк, а муки да крупы у меня уж немного. Я и выпустил лосёнка из стойла. И что бы вы думали? Лосёнок ко мне в шалаш сам залез. Вот какой стал ручной да ласковый! Пришёл в шалаш и стонет, по-лосиному мычит: ых! ых! ых! Просит соли. Так жили мы с лосёнком целое лето. А к осени ушёл лосёнок. Видно, в лесу увидел своих, пристал к ним и ушёл.